

НИЖЕГОРОДЦЕВ Роберт Михайлович

Доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Института проблем управления РАН

Рецессионный разрыв в экономике США и мировой финансовый кризис

На сегодняшний день является фактом наличие рецессионного разрыва в экономике США. Его влияние на архитектуру современной мировой финансовой системы бесспорно, и характер этого влияния подлежит осмыслению и оценке. Рецессионный разрыв – это пока еще не рецессия, и отдельная проблема заключается в том, можно ли ее избежать, а если нет, то нужно ли, с точки зрения перспектив развития американской экономики, оттягивать начало этой рецессии.

В связи с серьезными проблемами в американской экономике, оказавшими воздействие на мировые финансовые рынки, многие аналитики объявили о начале мирового финансового кризиса. Здесь возникают, по меньшей мере, три вопроса.

Во-первых, можно ли трактовать сложившееся положение вещей как *кризис*, или глобальные рынки пока что встали перед очередным затруднением, которое должно развеяться, как уже случалось в периоды краткосрочных спадов ведущих экономик мира в конце прошлого столетия?

Во-вторых, является ли этот кризис (или, соответственно, это затруднение) *финансовым*, и насколько велика, собственно, финансовая составляющая тех процессов, которые сотрясают современное мировое хозяйство. Можно ли основные причины происходящих негативных процессов отнести к финансовой сфере или, быть может, истоки этих проблем лежат в другой плоскости?

В-третьих, можно ли считать этот кризис *мировым*. Действительно ли выход из сложившихся противоречий лежит на путях глобального переустройства мировой экономики, или, быть может, удастся преодолеть возникшие трудности путем простого перераспределения ролей, несколько ослабив влияние одних и усилив влияние других игроков на процессы развития глобальных рынков?

К выяснению этих вопросов мы и переходим.

Спрос на деньги и мировая финансовая система. Начнем с простого, казалось бы, вопроса: чем определяется спрос на деньги (в частности, на американские доллары) в современной мировой экономике?

Единственный количественно измеримый ответ, который предлагает в данном случае теория, основывается на так называемом основном законе денежного обращения, выражаемом формулой Ирвинга Фишера:

$$PY = MV,$$

где P – общий уровень цен; Y – текущий объем реального ВВП за данный период времени (например, годовой ВВП); M – объем денежной массы; V – средняя скорость оборота денежной массы за этот период (т. е. каждая единица денежной массы засчитывается столько раз, сколько раз она обращается в течение данного периода).

Сторонники формулы объясняют, что она выражает пропорциональное соответствие между реальным сектором экономики (который представлен левой частью этой

формулы) и монетарным сектором (которому соответствует правая часть формулы), а логика основного закона денежного обращения вытекает из необходимости равенства между спросом на деньги (PY/V) и их предложением (M).

При всей условности такой категории, как объем денежной массы (на что неоднократно обращали внимание исследователи), а также при всех разногласиях, которыми сопровождается расчет общего уровня цен, заметим, что основная проблема, которая ставит под сомнение эвристическую ценность данной формулы, заключается не в этом. Отметим лишь два момента, существенно ограничивающих возможности использования формулы И. Фишера для практических расчетов.

1. На сегодняшний день на каждый доллар, который обслуживает обращение реальных благ, в мировом хозяйстве приходится девять долларов, обслуживающих обращение финансовых активов (так называемая «экономика казино»). Между тем финансовые инструменты, как известно, не составляют никакой части ВВП какой бы то ни было страны, и колебания их цен (курсов) на объем ВВП никак не влияют. Таким образом, связь между объемом ВВП и потребностью в денежной массе, связанной с трансакционным спросом на деньги, достаточно иллюзорна.

Прибавим к этому и тот факт, что в течение текущего года на рынке обращаются реальные блага, выступающие продуктами труда предшествующих лет (например, вторичный рынок жилья) и не имеющие отношения к величине текущего годового ВВП.

2. Помимо трансакционного спроса на деньги (они нужны для обслуживания текущих сделок), существуют также мотив отложенного спроса (резервирование денежных средств для будущих трансакций) и спекулятивный мотив (предпочтение ликвидности, которую можно использовать в будущем с большей выгодой, нежели другие активы). В условиях, когда около 80% мирового оборота приходится на транснациональные компании американского происхождения, доллар США неизбежно является мировой резервной валютой, а это означает, что спрос на доллары никак не связан с объемом текущих трансакций и в значительной степени определяется прогнозируемой потребностью в них для осуществления будущих трансакций.

В последнее время в печати появилось множество полунаучных и оклонакальных спекуляций, связывающих инфляционные процессы в экономике США с ростом долларовой массы, почти в 30 раз превышающей годовой ВВП всего мира и, следовательно, не обеспеченной товарным покрытием. Легко понять, что в силу особой роли доллара в мировом хозяйстве ему и не нужно товарное покрытие – в том смысле, в котором оно необходимо другим валютам. До тех пор, пока центральные банки разных стран мира охотно накапливают долларовые резервы, федеральной резервной системе США нужно лишь заботиться о том, чтобы спрос на эти резервы не иссяк.

Таким образом, можно констатировать, что формула Ирвинга Фишера абсолютно непригодна для количественной оценки спроса на денежную массу ни в одной стране мира, но для экономики США она дает немыслимо высокую ошибку в силу указанных обстоятельств. Из приведенных соображений вытекает, что сопоставление объема долларовой массы с объемом годового ВВП какой бы то ни было страны (и даже всего мирового хозяйства) – мысль интересная, но лишенная практического смысла.

До тех пор, пока доллар США является основной резервной валютой в мире, избыточная денежная эмиссия не только не вредит экономике, но и является инструментом, позволяющим правительству США рассчитываться по внутреннему долгу и финансировать бюджетный дефицит. Ни для одной другой страны подобные механизмы не сработают, поскольку для других стран характерно принципиальное различие между внутренним и внешним долгом. Например, Центральный банк России может увеличить рублевую эмиссию для того, чтобы правительство рассчиталось по внутренним долгам, а доллары, необходимые для погашения внешнего долга, нужно заработать, их нельзя просто выпустить в обращение. В отличие от России, для экономики Соединенных

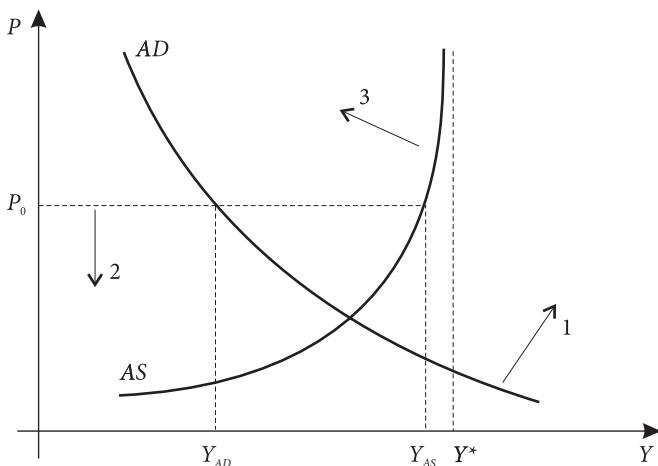
Штатов обе эти проблемы могут решаться при помощи вполне аналогичных инструментов, в частности денежной эмиссии.

Ключевые проблемы американской экономики отнюдь не вытекают из избыточной эмиссии, они лежат в иной плоскости, связанной с достаточно глубокими внутренними диспропорциями, краткое рассмотрение которых является нашей следующей задачей.

Логика рецессионного разрыва. В течение последних 20 лет в американской экономике имеет место ситуация рецессионного разрыва: общий уровень цен зафиксировался на отметке P_0 , при которой совокупное предложение Y_{AS} устойчиво превышает совокупный спрос Y_{AD} (см. рисунок).

Не останавливаясь подробно на частных проявлениях этого факта, заметим, что коренной причиной является перенакопление капитала. Капитал может самовозрастать лишь в случае, когда валовая прибыль превышает совокупные издержки, т. е. предложение благ, выносимых им на рынок, превышает спрос, предъявляемый им на рынках ресурсов. Поэтому общее стремление частных капиталов к самовозрастанию приводит к общему перенакоплению капитала, которое «на поверхности» экономической жизни общества на уровне явления выражается в перепроизводстве благ. Собственно, состояние рецессионного разрыва и означает, что экономика находится на пороге рецессии, первоначально описанной в экономической литературе как кризис перепроизводства.

Устойчивое неравновесие макроэкономической системы, пребывающей в состоянии рецессионного разрыва, предполагает несколько возможных сценариев восстановления равновесия [1], которые обозначены на рисунке стрелками.

Рецессионный разрыв: сценарии неравновесной динамики

Сценарий 1, лежащий в русле кейнсианской традиции, заключается в том, чтобы стимулировать совокупный спрос, сдвигая кривую AD вверх и вправо до тех пор, пока она не пересечет кривую AS в точке с абсциссой Y^* . Этот путь, несомненно, плодотворен в макроэкономических системах, выходящих из депрессии и переживающих фазу оживления экономической конъюнктуры, когда текущий уровень ВВП еще далек от потенциального, обозначенного через Y^* . Однако в экономике, находящейся в состоянии длительного подъема и приблизившейся к исчерпанию ресурсов, которые могут быть вовлечены в производство, стимулирование совокупного спроса чревато инфляционным перегревом, при котором незначительный прирост ВВП оборачивается быстрым взлетом общего уровня цен.

Если в макроэкономической системе еще имеются свободные ресурсы, правительство может, применяя кейнсианские методы стимулирования совокупного спроса, обеспечить относительно безболезненный выход страны из состояния рецессионного разрыва. Сценарий 1 (если он реально осуществим) является наилучшим с точки зрения перспектив макроэкономической динамики.

Сценарий 2 заключается в том, чтобы подавить общий уровень цен, «заставив» совокупный спрос и совокупное предложение сблизиться в некотором промежуточном значении, которое соответствует равновесному ВВП, отмеченному точкой пересечения кривых AD и AS .

Этот путь стабилизации, как показал, в частности, Дж. М. Кейнс, может быть эффективен лишь в собственно рыночной экономике, основу которой составляют совершенно конкурентные отраслевые рынки, но недоступен в макроэкономической системе с большим количеством квазимонопольных отраслевых рынков. Дело в том, что фирмы-квазимонополисты отвечают на отставание спроса от предложения не снижением цен, а сокращением объемов производства. В основном поэтому в современном мировом хозяйстве более чем полвека никакие попытки снижения общего уровня цен не принесли положительных результатов. Важнейшая модификация промышленного цикла в современной монополистической экономике заключается в том, что «классические» рецепты, основанные на действии встроенных стабилизаторов, снижающих общий уровень цен, больше не могут стабилизировать макроэкономическую систему.

Данный сценарий развития событий, в случае его успешного претворения в жизнь, влечет за собой достижение макроэкономического равновесия, сопровождаемого краткосрочным снижением Y_{AS} , т. е. падением текущего объема ВВП.

Наконец, сценарий 3: если ни один из двух указанных путей не будет использован правительством, то макроэкономическая система будет стихийно стремиться к состоянию равновесия и оно будет достигаться благодаря тому, что кривая совокупного предложения отодвинется вверх и влево (стрелка 3), т. е. наступит рецессия, кризис перепроизводства. Такое стихийное выравнивание диспропорций опасно тем, что спад производства выступает мощнейшим фактором инфляции (при неизменности объема денежной массы сжимается ее товарное покрытие), а это значит, что кривая AS , сдвигаясь вверх и влево, минует точку равновесия с абсциссой Y_{AD} и ординатой P_0 и движется дальше, что вызывает стагфляцию – рост общего уровня цен при продолжающейся рецессии. Таким образом, логика стихийного достижения равновесия (даже если этот сценарий развития событий правительство признает допустимым и не представляющим опасности) отнюдь не освобождает государственную власть от принятия адекватных мер по достижению макроэкономической стабилизации, а слабая надежда на действие «невидимой руки» оказывается пагубной иллюзией.

Описанная выше логика макроэкономического неравновесия лишь приблизительно отражает реальную картину тех проблем, с которыми столкнулась американская экономика. Рисунок не содержит информации об отрицательном сальдо платежного баланса и о том, почему США в течение последних 20 лет являются нетто-импортером, что для растущей экономики, возможно, не столь уж важно, а для экономики, стоящей на пороге рецессии, представляет критически важный момент, серьезно ограничивающий возможности маневра для национального правительства.

В современной экономике США (как, впрочем, и в любой реальной макроэкономической системе) кривые AD , AS и линия общего уровня цен движутся не попеременно, а одновременно. В частности, некоторые локальные рынки уже начали испытывать спад, в ряде отраслей снижается уровень цен (например, на рынке недвижимости), отдельные составные элементы совокупного спроса также претерпевают изменения. В этой пестрой картине нужно уловить закономерные тенденции, которые позволяют

понять, в каких пределах и в каком смысле экономика США продолжает оставаться управляемой, а в чем ее динамика уже вышла из-под контроля правительства.

Текущие тенденции и динамика совокупного спроса. Чем, собственно, опасно падение цен на рынке недвижимости США? Почему эксперты наперебой обвиняют этот (сравнительно узкий) локальный рынок в серьезных потрясениях, которые обрушились на американскую экономику или, по меньшей мере, отводят ему роль «спускового крючка», обнажившего коренные макроэкономические противоречия?

Скажем сразу, что в России падение цен на рынке недвижимости было бы скорее благом, спасающим экономику от перегрева, вызванного ценовым фактором инфляции, действие которого связано с искусственным вздуванием цен на монополизированных локальных рынках. Но в американской экономике с развитым рынком вторичных финансовых инструментов, где долговые обязательства можно перепродавать и закладывать, недвижимость занимает особое место – она выступает основным залогом по долгосрочным кредитам и финансовым операциям.

Таким образом, снижение цен на недвижимость означает удешевление залога, что чревато возрастанием долгосрочных банковских рисков, поскольку те же самые кредитные операции становятся менее обеспеченными. Возрастание рисков банки компенсируют подъемом коммерческой учетной ставки, прежде всего так называемой prime rate (исходной, минимальной ставки по долгосрочным кредитам для надежных заемщиков), которая служит основой для расчета целого спектра более высоких процентных ставок.

Повышение банковской учетной ставки означает удорожание денег в экономике, что неминуемо оборачивается всплеском инфляции издержек, поскольку плата по кредитам является неотъемлемой составной частью любого коммерческого проекта. Это затруднение доступа к деньгам означает также свертывание ряда проектов, внутренняя норма отдачи которых не укладывается в возросший кредитный барьер. Если же повышение коммерческой ставки сохраняется достаточно долго, то экономику ожидает спад целого ряда отраслей, т. е. наступление рецессии.

Возможность такого опасного варианта развития событий, очевидно, имеет в виду правительство США. Однако ответом на рост prime rate оказалось лишь предпринятое федеральной резервной системой снижение ставки рефинансирования, которая за последние полгода упала в несколько раз, оказавшись меньше индекса инфляции. Тем самым правительство частично принимает на себя банковские риски, пытаясь сдержать рост коммерческой учетной ставки. Легко понять, что эта мера не достигает цели, потому что коммерческие банки (как, впрочем, и любой другой агент) компенсируют рост рисков одного типа за счет дополнительной перестраховки по другим операциям. Поэтому в экономике США ставка рефинансирования падает, а prime rate растет. Ситуация опасна прежде всего тем, что ставка рефинансирования перестает выполнять свое основное назначение, а именно быть регулятором уровня коммерческой процентной ставки. Таким образом, правительство сознательно выпускает из рук важнейший инструмент управления монетарной системой страны.

Аналогичная ситуация (правда, по иным причинам) сложилась в экономике России в середине 1990-х годов, когда правительство взяло курс на сжатие объемов денежной массы и фактически перешло к политике дорогих денег, хотя и не объявило об этом прямо. Поскольку денежные ресурсы оказались в дефиците, процентная ставка стала быстро возрастать, а ставка рефинансирования, переставшая выполнять роль макроэкономического регулятора, вынуждена была ее догонять запоздалыми и совершенно нелогичными прыжками. При этом, разумеется, рост коммерческой учетной ставки привел к увеличению издержек производства и, соответственно, к новым всплескам инфляции издержек, несмотря на то, что сжатие объемов денежной массы предпринималось под лозунгом борьбы с инфляцией. Таким образом, в России в период

экономического кризиса либерально-монетаристская концепция макроэкономической политики в очередной раз подтвердила свою непригодность, как это сейчас происходит и в экономике США.

Может быть, единственный инструмент, который реально остается в распоряжении правительства США, – это совокупный спрос. Как известно, его объем Y_{AD} складывается из конечного потребления C , валовых инвестиций I (частных и государственных), государственных расходов (закупок) G и чистого экспорта X_n :

$$Y_{AD} = C + I + G + X_n.$$

Удорожание денег приводит к тому, что частное конечное потребление и частные инвестиции сжимаются. Нетто-экспорт, уже будучи отрицательным, также продолжает уменьшаться, хотя рост процентной ставки играет в этом процессе не главную роль. Легко понять, что падение совокупного спроса, которое имеет место в американской экономике, лишь углубляет расхождение между объемами AD и AS и тем самым подталкивает экономику к пропасти масштабной рецессии.

Практически единственный рычаг, при помощи которого правительство США способно остановить быстрое падение совокупного спроса, – это государственные расходы и государственные инвестиции. Только посредством их радикального увеличения можно спасти экономику от угрозы глубокого и длительного кризиса. Однако для этого придется признать, что либеральная доктрина как основа управления экономикой США потерпела полный провал и обратиться к кейнсианским рецептам предотвращения кризиса и его преодоления, основанным на стимулировании совокупного спроса.

Альтернатива Хаавельмо: мультиплексионные эффекты для экономики США. Дилемма, перед которой остановилась сегодня американская экономика, имеет достаточно давнюю теоретическую историю. В основе этой дилеммы лежит альтернатива, связанная с выбором оптимального пути краткосрочного стимулирования роста ВВП, которую автор назвал альтернативой Хаавельмо [2. С. 77–79; 3. С. 553–562].

Для стимулирования роста в краткосрочном периоде правительства стран с выраженной либеральной логикой макроэкономического регулирования (например, США, Канады, Австралии) чаще всего снижают налоговое бремя на экономику, развязывают частную инициативу и, соответственно, снижают уровень госрасходов. Правительства скандинавских стран (например, Швеции и Финляндии), столкнувшись с подобной проблемой, чаще поступают противоположным образом: они увеличивают налоги и обеспечивают рост государственных расходов и инвестиций, на этой основе добиваясь прироста ВВП. Результат достигается, в общем, аналогичный, а пути, ведущие к нему, совершенно различны.

Альтернатива Хаавельмо – это дилемма двух принципиально разных способов стимулирования краткосрочного подъема экономики. Первый из них заключается в усилении налогового бремени и перераспределении собранных налогов через бюджеты всех уровней, завершающимся обратным вливанием их в экономику в виде госрасходов и государственных инвестиций. Второй – в развязывании частной инициативы путем снижения налогов и соответственного уменьшения госрасходов.

Реальный смысл данной альтернативы вполне очевиден: ни в одной стране мира не удавалось в течение хотя бы среднесрочного периода (сравнимого по продолжительности с промышленным циклом) одновременно снижать налоги и увеличивать госрасходы. К тому же в любой макроэкономической системе действует так называемый *эффект вытеснения*: рост госрасходов влечет за собой стимулирование совокупного спроса, что увеличивает процентную ставку и тем самым сужает поле для приложения частных инвестиций. Таким образом, объем частных инвестиций может снижаться вследствие роста государственных расходов.

Заметим, что современной экономике США эффекта вытеснения бояться вовсе не следует, поскольку рост процентной ставки уже вытеснил частные инвестиции из макроэкономической системы. Вопрос лишь в том, насколько своевременной и адекватной будет реакция на эти процессы со стороны государственной власти, т. е. в какой мере государственные инвестиции сумеют заполнить инвестиционные ниши, освобожденные частным капиталом.

Стандартная проблема макроэкономической политики заключается в том, какой из упомянутых путей стимулирования роста реального ВВП наиболее приемлем для данной конкретной макроэкономической системы. Ответ на этот вопрос частично дает так называемая теорема Хаавельмо, которая доказана для случая сбалансированного бюджета (т. е. предположения о том, что все собранные налоговые поступления в бюджет будут возвращены в экономику в течение текущего периода) и ставит во главу угла соотношение между инвестиционным и налоговым мультипликаторами. Если отрицательный мультипликативный эффект от повышения налогов выше, чем польза от прироста госрасходов, то следует в большей степени ориентироваться на частную инициативу, снижая налоговый пресс на экономику. Если же мультипликативный эффект от прироста государственных инвестиций и госрасходов оказывается выше, чем вред от изъятия налогов, то более эффективным является перераспределение ВВП через госбюджет.

Нобелевский лауреат Т. Хаавельмо, одним из первых поставивший данную проблему в теоретической плоскости и предложивший некие подходы к обоснованию экспансионистской бюджетной политики государства, не случайно является уроженцем Норвегии. В его работах фактически получила теоретическое обоснование так называемая скандинавская модель экономического роста, в значительной степени основанная на последовательном и неуклонном росте доли ВВП, перераспределяемой через бюджеты всех уровней.

Заметим, что в современных скандинавских странах доля госрасходов в ВВП в последние 10 лет превышает 50–55%, тогда как в странах с традиционно либеральной моделью государственной экономической политики (например, США и Австралия) она составляет не более 33–35%. В современной России эта доля не достигает и пятой части, и за последние 15 лет она снизилась на 15–20 процентных пунктов, тогда как в подавляющем большинстве развитых стран она в последние полвека неуклонно растет. Принятый в нашей стране бюджет на 2008–2010 гг. предполагает, что доля госрасходов федерального бюджета в ВВП в течение указанного периода будет колебаться приблизительно на уровне 18%.

Решение проблемы, поставленной Т. Хаавельмо, должно быть основано на глубоком понимании логики действия мультипликативного эффекта. Чтобы мультипликатор госрасходов или инвестиций действительно работал, необходимы две вещи, о которых нередко умалчивают учебники экономикс.

Во-первых, макроэкономическая система должна обладать известным объемом незадействованных ресурсов (текущий объем ВВП должен быть достаточно далек от потенциального). Если какие-либо ресурсы в обществе близки к исчерпанию, то рост инвестиционных расходов способен вызвать лишь инфляционный перегрев, но не прирост текущего уровня ВВП. Это условие является обязательным для успешного применения «кейнсианских» мер стимулирования роста ВВП через воздействие на совокупный спрос.

Во-вторых, вложенные в экономику инвестиции должны сопровождаться созданием адекватного по стоимости реального товарного покрытия. Если инвестиции или расходы на потребление (в данном случае неважно – частные или государственные) «уходят в песок», не принося результата, то в макроэкономической системе нарастает инфляция издержек взамен какого бы то ни было мультипликативного эффекта.

Поэтому принцип Хаавельмо, предполагающий возможность эффективного перераспределения ВВП через госбюджет, вообще говоря, основан на том, что государству лучше, нежели частным инвесторам, известны ключевые «точки роста», инвестиции в которые способны принести максимальный и ярко выраженный мультиплективный эффект. Данное предположение вполне справедливо для большинства макроэкономических систем: поскольку мультиплективные эффекты для частных агентов являются внешними, то логика этих эффектов совершенно выходит за пределы их внимания. Следовательно, получение и использование достоверной информации о мультиплективных эффектах (следовательно, о «точках роста» в макроэкономической системе) всецело остается заботой государства.

Возражения против увеличения доли государственных инвестиций в экономике часто основаны на том, что государственные инвестиции хуже защищены, нежели частные. Это для большинства современных макросистем является довольно спорным аргументом. Как частные, так и государственные, предприятия управляются не собственниками, а наемными агентами, действующими от имени и по поручению соответствующего принципала. Поэтому так называемое «чувство собственника», усиленно декларируемое во всех странах, пребывающих в преддверии приватизации, чаще всего оказывается иллюзией, уводящей от непредвзятого обсуждения данной проблемы.

Естественный вопрос заключается в том, какими ключевыми чертами должна обладать макроэкономическая система, чтобы в ней эффективно работал принцип Хаавельмо. Обобщенный ответ состоит в следующем.

1. Если значительную долю ВВП создают отрасли, в которых прямые рыночные эффекты выше, чем внешние эффекты от их существования и развития, то для стимулирования роста производства лучше использовать частную инициативу, снижая налоги и госрасходы. Если львиную долю ВВП создают отрасли, активно создающие внешние эффекты (наука, образование, здравоохранение и т. п.), то принципу Хаавельмо нет реальной альтернативы. Отсюда вытекает ряд важных следствий.

2. Принцип Хаавельмо работает тем успешнее, чем выше в среднем уровень технологического развития экономики, уровень образования населения и продолжительность жизни населения.

3. Если основу экономики составляют отрасли с быстрым оборотом капитала (например, торгово-посредническая или финансовая деятельность, как в Сингапуре или Гонконге), то более результативна ставка правительства на частную инициативу. Если основу макроэкономической системы составляют «тяжелые» отрасли с медленным оборотом капитала и длительным сроком окупаемости инвестиций (например, «сырьевая» экономика Саудовской Аравии или ЮАР), то более успешным должно быть применение принципа Хаавельмо.

4. Чем выше социальная однородность населения и сильнее патерналистские традиции в стране, тем удачнее для роста экономики последствия увеличения государственных расходов.

5. В экономике, чрезмерно обремененной, «перенасыщенной» налогами дальнейшее усиление налогового пресса неэффективно. Применение принципа Хаавельмо в такой экономике предполагает, что снижение налоговых ставок сопровождается увеличением налоговых поступлений и, на этой основе, приростом госрасходов и государственных инвестиций.

Заметим, что каждая составная часть совокупного спроса порождает собственные мультиплективные эффекты, различные по масштабу и характеру воздействия на макросистему. Эта идея, высказанная А. Пигу еще в 30-е годы XX века, как ни странно, оказалась надолго забыта. В частности, в мировом хозяйстве существуют макросистемы, в которых инвестиционный мультиплектор не столь велик, а мультиплектор чистого экспорта максимален. Соответственно, экспортная ориентация экономики

не препятствует, а способствует экономическому росту и технологической модернизации этих стран, несмотря на то, что эксперты Международного валютного фонда пугают их правительства «голландской болезнью».

В качестве примера приведем макроэкономическую политику современного Китая, в котором одним из приоритетов является нахождение и поддержание необходимых пропорций между мультиликаторами, имеющими различную природу. До тех пор, пока пропорции удается поддерживать таким образом, чтобы стимулировать долгосрочный экономический рост, более мелкие проблемы, связанные с монетарными диспропорциями, для этой страны не опасны. В свете сделанного замечания можно утверждать, что исходная идея Т. Хаавельмо, основанная на сопоставлении величин инвестиционного и налогового мультиликаторов, заметно упрощает реальное положение вещей. Можно сказать, что альтернатива Хаавельмо по своим эвристическим возможностям интереснее и разнообразнее, чем думали об этом и сам Хаавельмо, и его ближайшие последователи и комментаторы.

Весьма важная проблема, на обсуждении которой нет смысла подробно останавливаться в рамках данной статьи, связана с применимостью принципа Хаавельмо в неоднородных макросистемах, отдельные части которых испытывают рецессионный разрыв, а другие в то же время пребывают в состоянии инфляционного разрыва. В качестве примера такой макросистемы можно привести экономику Российской Федерации последних 15 лет. В частности, в 2002–2004 гг. экономическая динамика г. Москвы характеризовалась рецессионным разрывом, а Ульяновской области – инфляционным разрывом.

Для современной экономики США, находящейся на пороге рецессии, важным является следующее обстоятельство. В кризисной экономике, так же как и в растущей, действует инвестиционный мультиликатор, только с обратным знаком. Подобно тому, как в здоровой, растущей экономике имеет место мультиликатор инвестиций, в кризисной экономике включается мультиликатор неплатежей. Например, в России в середине 1990-х годов 1 р. внутреннего государственного долга (своевременно не выплаченные из бюджета зарплата и социальные трансферты) оборачивался потерей 5–6 р. в совокупном объеме ВВП, тогда как сегодня в растущей российской экономике 1 р. госрасходов приносит чуть более 2 р. краткосрочного прироста ВВП.

Заметим, что в период кризиса, когда падает уровень жизни, возрастает предельная склонность к потреблению (MPC), а следовательно, растет величина инвестиционного мультиликатора. Таким образом, значение мультиликатора максимально именно в тот период, когда воздействие мультиликативного эффекта на экономику наиболее разрушительно. В этой «несимметричности» мультиликативных эффектов лежит одна из причин того, что спад физических объемов производства всегда происходит быстрее, чем послекризисное восстановление макроэкономической системы.

Общий вывод заключается в том, что американскому правительству следует немедленно, пока не началась масштабная рецессия, обратиться к кейнсианским методам стимулирования совокупного спроса и использовать мультиликативные эффекты, которые бы позволили быстрее преодолеть рецессионный разрыв, максимально задействуя имеющиеся в макроэкономической системе ресурсы.

Основные угрозы и выводы. Угрозы для современной экономики США можно свести к трем наиболее часто упоминаемым катастрофическим последствиям, на возможность которых указывают эксперты.

1. Опасность длительной и масштабной рецессии (кейнсианский триллер).
2. Угроза высокой инфляции (либерально-монетаристский триллер): стимулирование совокупного спроса, по мнению сторонников либеральной доктрины, обернется инфляционным перегревом экономики.

3. Потеря позиций доллара в качестве мировой резервной валюты (триллер от ФРС, при помощи которого специалисты этого ведомства обосновывают дальнейшее снижение ставки рефинансирования, не достигающее цели и, по сути, демонстрирующее бессилие правительства перед надвигающимися вполне реальными угрозами).

Из трех перечисленных «страшилок» наиболее страшной является, конечно, угроза рецессии, спада физических объемов производства. Кризис способен обострить противоречия американской экономики и усугубить диспропорции, которых в ней и сегодня достаточно много. В частности, обуздание инфляции в условиях уже начавшейся рецессии представляется трудно осуществимым, в отсутствии рецессии это сделать многократно легче.

Угроза инфляции сама по себе не столь серьезна, отчасти в силу того факта, что инфляция уже началась и развивается по мере роста коммерческой процентной ставки, приводящего к удорожанию кредитных ресурсов. В этих условиях опасения, что стимулирование совокупного спроса окажется дополнительным источником инфляции, не слишком обоснованы.

Что касается угрозы утраты позиций доллара в качестве мировой резервной валюты, то уже сегодня большинство стран мира проводит диверсификацию валютных резервов и этот процесс объективно вытекает из логики развития мирового хозяйства. Но до тех пор, пока американские транснациональные корпорации, которые играют ведущую роль в мировом товарообороте, сами не откажутся от доллара как основного платежного средства, серьезной утраты позиций в этой сфере доллар не испытает.

Основные выводы для экономики США и тенденций развития мирового хозяйства заключаются в следующем.

1. Налицо крах либеральной доктрины управления экономикой США, заведшей макроэкономическую систему в тупик, выход из которого возможен только на путях применения кейнсианских рецептов экономической политики.

2. Рецессионный разрыв в экономике США обнажил несостоительность пошатнувшихся претензий этой страны на мировое финансовое господство. Постепенное падение национальной конкурентоспособности экономики, которая долгое время поддерживается чисто монетарными мерами, носящими краткосрочный характер (например, сравнительно легкая доступность американского доллара для нерезидентов), привело к закономерному сочетанию внутреннего макроэкономического неравновесия и устойчивого дефицита торгового и платежного балансов. В результате под угрозой оказалась именно та уникальная роль доллара в мировой финансовой системе, на которой в течение десятилетий были основаны механизмы финансирования бюджетного дефицита США и логика мирового финансового цикла, неизменно приносившая американской экономике финансовую ренту [4. С. 69–71].

3. Мировое хозяйство находится на пороге глобальных институциональных сдвигов. Существующая ныне Ямайская валютная система, закрепившая мировое господство американского доллара, рушится на наших глазах, и усилия основных игроков на глобальных финансовых рынках направляются на формирование институтов, которые были бы адекватны новым реальностям многополярного финансового мира.

Эти коренные изменения глобальной архитектуры современного мирового хозяйства в конечном счете приведут к формированию иных очертаний институциональной среды, в некотором смысле более справедливых и дающих больше возможностей для развития странам, правительства которых направляют усилия на достижение мировой конкурентоспособности национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Россия, валюта которой сегодня является наиболее обеспеченной в мире (если судить по объему золотовалютных резервов), примет активное участие в формировании новых контуров глобальной финансовой системы. В конечном счете, лучший способ прогнозировать будущее – это самим принять участие в его становлении.

Литература

1. Нижегородцев, Р.М. Основы экономической теории : обзорный курс лекций для студентов экон. специальностей / Р.М. Нижегородцев. М. : Доброе слово, 2008.
2. Нижегородцев, Р.М. Поиск «точек роста» и альтернатива Хаавельмо / Р.М. Нижегородцев // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем : тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф. (Гомель, 29–30 ноября 2007 г.) / под общ. ред. Р.И. Громыко. Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2007.
3. Нижегородцев, Р.М. Обретение путей: альтернативы макроэкономической политики современной России // Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации : матер. Рос. науч. экон. собр. М. : Научный эксперт, 2008.
4. Нижегородцев, Р.М. Механизмы глобализации финансовых рынков и стратегии развития национальной экономики / Р.М. Нижегородцев, Е.Е. Каменская, Сати Ж. Лохи // Экономическая наука в начале третьего тысячелетия: история и перспективы развития : матер. междунар. науч. конф., посвященной 65-летию экон. фак-та СПбГУ. Секции 1–3. СПб. : ОЦЭиМ, 2005.